

ИЗ ИСТОРИИ СЕМЬИ ТАНСКИХ

Статья посвящена некоторым фактам из жизни известной и уважаемой в Верхнеудинске семьи доктора М. В. Танского. В тексте использованы воспоминания Михаила Владимировича о наиболее важных моментах его молодости, профессиональной деятельности и о событиях в истории послереволюционной России, наложивших большой отпечаток на семью.

Ключевые слова: доктор М. В. Танский; история Верхнеудинска и Улан-Удэ; П. Т. Трунев.

Grechanik Lyudmila Evgenievna
Ethnographic Museum of Peoples of Transbaikalia
Ulan-Ude, Russian Federation

FROM THE HISTORY OF THE TANSKY FAMILY

The article is devoted to some facts from the life of the well-known and respected family in Verkhneudinsk, Dr. M. V. Tansky. The text uses the memories of Mikhail Vladimirovich about the most important moments of his youth, professional activity and events in the history of post-revolutionary Russia, which left a big imprint on his family.

Keywords: Dr. M. V. Tansky, the history of Verkhneudinsk and Ulan-Ude; P. T. Trunev.

Михаил Владимирович Танский – библиофил, краевед, общественный деятель и путешественник, происходил из старинного казачьего рода и состоял в родстве с великим русским писателем Н. В. Гоголем. Родился 8 ноября 1869 г. в селе Сухобузимо Енисейской губернии. С 1870 г. проживал в Верхнеудинске, куда начальником акцизного округа был переведен его отец. В 1879 г. поступил в Иркутскую мужскую гимназию, в которой проучился до пятого класса и переведен в Читинскую мужскую гимназию. В 1899 г., получив диплом врача, работал ординатором в гинекологической клинике Казанского университета. Вспоминая свои студенческие годы, Михаил Владимирович пишет: «Первые две недели я носил в кармане прошение о переводе на мед-фак, на который стремился. Но почему же этого сразу не сделал? В этом отношении дело обстояло тогда так. Все, окончившие сибирские гимназии, были прикреплены к только что открывшемуся Томскому университету с единственным пока факультетом медицинским. Меня не поманивало провести годы студенческой учебы в сереньком, невзрачном Томске, тянуло в Россию, в хороший, старинный город Казань, а главное – тянула Волга. И вот желание мое осуществилось, оставалось подать прошение, и я студент-медик. Такая уловка в обход закона удачно практиковалась. Но я этого не сделал, потому что естественные науки после мертвящего толстовского классицизма широко открыли глаза на живой мир, на природу и увлекли» [Государственный архив Республики Бурятия (ГАРБ) Ф. 1778. Оп. 1. Д. 16. Л. 1]. «На четыре года остался я на естественном отделении, ибо легко и бездумно по молодости швырялся временем» [ГАРБ. Ф. 1778. Оп. 1. Д. 16. Л. 1об.].

«Весной 1895 года я закончил физико-математический факультет по отделению естественных наук с дипломом первой степени. Надо было вставать на собственные ноги. Отец, помогавший мне материально, был старик, ему следовало уходить в отставку, на покой. И я оказался финансовым чиновником. Служба мне была не по нутру. Списался с отцом, высказал желание получить медицинское образование. Отец одобрил меня, сообщил, что года четыре еще послужит и охотно мне поможет. И вот осенью 1896 года я снова в Казанском университете...» – вспоминал Михаил Владимирович [ГАРБ. Ф. 1778. Оп. 1. Д. 16. Л. 5]. После он 3 года учился в ординатуре, в 1904 г. был направлен на службу

в Севастополь, где стал заведующим акушерско-гинекологическим отделением.

С началом русско-японской войны М. В. Танский выехал в Верхнеудинск и стал работать ординатором лазарета Красного Креста Одесской Касперовской общины сестер милосердия. Война закончилась поражением русской армии. Начались революционные события: обыски, расстрелы, ссылки. Арестовали его сослуживцев, знакомых, приятелей – заведующего городской больницей И. А. Шинкмана, директора реального училища Окунцова. Врач Шинкман в записке из тюрьмы попросил М. Танского на несколько дней заменить его в больнице, а остался Михаил Владимирович заведующим городской больницей на 18 лет. Истинный интеллигент своего времени, он беззаветно и преданно служил делу всей своей жизни, избранному когда-то в юности, все свои силы отдавал делу благоустройства больницы, первым устроил большую операционную, пополнил устаревшие хирургические наборы. Он был универсальным врачом: терапевт, хирург, гинеколог, акушер, стоматолог, ортопед, психиатр, отоларинголог. Он лечил всех: и богатых, и неимущих. «Больница была переполнена бесплатными больными, хотя плата за лечение взималась рубль за сутки», – писал М. В. Танский, – «амбулаторный прием велся бесплатно, хотя в приемной висела кружка, опечатанная печатью городской управы, для добровольных пожертвований, кто сколько может и пожелает. Нередко кружку похищали...» [ГАРБ. Ф. 1778. Оп. 1. Д. 10. Л. 4]. Наряду с основной работой М. В. Танский работал врачом и преподавателем в Верхнеудинском реальном училище и женской гимназии, судебным экспертом, тюремным врачом в воинском ведомстве.

За свою педагогическую деятельность в 1916 г. Михаил Владимирович был удостоен звания учителя средних учебных заведений по естествознанию. Он проводил большую общественную работу, в течение двух четырехлетий избирался гласным городской думы. В годы Дальневосточной республики возглавлял всю медицинскую сеть города. В 1929 г. во время учебы в Санкт-Петербурге в возрасте 59 лет он заболел и долго лечился, и в возрасте 60 лет ушел на пенсию инвалидом 2-й группы.

Екатерина Александровна Танская закончила Читинскую гимназию, всю свою жизнь проработала учителем, сначала в реальном училище, школе № 2 г. Верх-

неудинск (Улан-Удэ). О скромности этой семьи свидетельствует тот факт, что после венчания новобрачная поехала на занятия в училище, а М. В. Танский с фельдшером – свидетелем брака направился в больницу. Совместная супружеская жизнь Танских длилась 56 лет. Хотя своих детей они не имели, в их семье вырос взятый на воспитание в 5-летнем возрасте мальчик Ваня, который, получив образование, стал газетным работником в Москве, ушел добровольцем на фронт и погиб в годы Великой Отечественной войны.

В Верхнеудинске в их гостеприимном доме останавливались многие именитые ученые, артисты, художники, у них находили приют «подневольные беженцы», катившиеся с запада с отступлением колчаковской армии. Останавливался у них и известный композитор Дмитрий Шостакович. Михаил Владимирович много путешествовал по России и за ее пределами, дважды брал длительные отпуска по четыре месяца в 1911 и 1914 гг. Чтобы воспользоваться отпуском, он должен был сам найти себе замену.

К сожалению, Танские не смогли избежать потрясений, которые обрушились на всю страну с приходом советской власти. Об очень печальных, но хорошо иллюстрирующих время событий, произошедших с семьей, Михаил Владимирович писал: «В автобиографическом очерке «Кое о чем из моей жизни» я обошел молчанием целый ряд событий, имевших в нашем существовании громадное значение, унесших много здоровья, потрепавших до предела нервы, глубоко поранивших душу, болезненно памятных и по сие время...» Времена внутренней политики тов. И. В. Сталина за последние годы его жизни были в достаточной степени жестоки и суровы для народа, жить приходилось в тревоге, с оглядкой.

«Мы оказались жертвами этой неправильной политики, попали под тяжелый исторический жернов, сильно нас помявший. Разыгралась эта кошмарная трагедия во всей Руси Великой при «Ежовщине» в 1931 г. Конечно, и наше местное Государственное политическое управление (ГПУ) в общую компанию включилось. Вот как развернулись события. Не было предвзятительно издано никакого декрета или закона о том, что никто не имеет права держать и иметь у себя золотые монеты царской чеканки и золота вообще в чистом виде, и то и другое подлежит сдаче в фонд государства. Такое узаконение было бы понятно, вполне оправдываемое ввиду стесненных ресурсов государства, строящего новую, недостаточно еще окрепшую жизнь» [ГАРБ. Ф. 1778. Оп. 1. Д. 32. Л. 1].

«... И думается мне, народ широко откликнулся бы на такой призыв... Пример тому: когда началась Великая Отечественная война, советское правительство не обращалось к народу за материальной помощью, но с первого же дня объявления манифеста о войне по великом патриотическому побуждению в государственную казну на нужды войны полились, как из рога изобилия, пожертвования и денежными средствами и ценными вещами... Но тогдашняя власть пошла иным путем. Стали хватать людей по какому-то непонятному выбору, по наитию ли свыше или по указаниям с потолка и требовать золотой валюты царской чеканки или чистого золота» [ГАРБ. Ф. 1778. Оп. 1. Д. 32. Л. 1об.].

«Особенно приходится отметить арест по тем же побуждениям П. Т. Трунева, директора Русско-Азиатского банка. Этот арест – начало, порождение нашей горькой судьбины... Арестованного Трунева сначала держали в ГПУ. К этому времени состоятельный человек, ничем

будто бы порочным не запятанный, изгнанный со своей семьей из собственного дома, был уже человеком разоренным. Жена с остатком имущества ютилась на квартире в небольшой комнатухе. Один сын, не оторвавшийся своевременно от родителей, исключенный из Иркутского университета ... был сослан на работы в Черемховских угольных шахтах. Другой благоразумно разорвавший показательно связь с родителями учился в техническом училище в Иркутске и курс окончил... И нас по родственным отношениям пристегнули к этому кошмару» [ГАРБ. Ф. 1778. Оп. 1. Д. 32. Л. 2].

«Жена Трунева и моя были родными сестрами. Вскоре вслед за мужем взяли в ГПУ и жену его Зинаиду Александровну, добрую мать, вырастившую трех хороших ребят. Получила она приказ явиться в ГПУ и перед уходом пришла проститься с нами... В ГПУ Труневу долго не держали, отправили в тюрьму. Перед отправкой она имела неосторожность передать некоей гражданке Р., получавшей свободу, записку для передачи жене моей. Возможно, что эта «некая» была просто провокатором, подсаженным в женскую камеру. Записку мы получили, содрогнулись, почувствовали «страх иудейский» и тотчас же уничтожили, хотя она была невинного содержания. Заботливая мать еще раз слезно просила не оставлять ее детей и сохранить, побережь остатки их имущества. Эта записка, совсем не нужная, оказалась для нас роковой. Комнаты с имуществом Труневых ГПУ опечатало, получение записки женою стало известно ГПУ, и она послужила толчком взяться за жену. И взялись.

Появились в нашей квартире сотрудники ГПУ, произвели тщательный обыск, ничего предосудительного не нашли, кроме золотых и серебряных вещей, владение которыми, очевидно, сочли преступным, и изъяли. Какова была судьба этих ценностей, поступили ли они в государственный фонд, ведомо только ГПУ.

Подобный случай произошел и с доктором Гофлендом, но он решительно и смело вернул свои вещи. Наше положение было иное, осложненное побочными угрожающими обстоятельствами, и мы не осмелились писать, предпочли попуститься свои добром...» [Там же. Л. 2об.].

Обстановка в стране была такова, что люди боялись рисковать и связываться с властью, так как нередко были случаи заключения под стражу или исчезновения без вести и за меньшее. Часто судьба целой семьи могла быть сломана по доносу недоброжелателей.

«Октября 14-го 1931 г. Екатерину Александровну арестовали, увезли из дома, заключили в тюрьму. Ни с чем ни посчитались: ни с тем, что она болела гриппом с повышенными температурами, взяли с постели, не посчитались с ее почтенным возрастом и общественным положением – 30 лет проработала учительницей, была большая общественница, все пустили насмарку. За что, почему? Требовали указать, что знает она о труневском золоте – никогда ничего не слышала и не знала – а, возможно, арестовали для того, чтобы ее арестом морально давить на Труневых, развязать им языки» [ГАРБ. Ф. 1778. Оп. 1. Д. 32. Л. 4].

В архиве есть сведения о том, как развивались события в тюрьме: «в одной камере с Труневою. Обе заразились тифом. Танский добивался разрешения о переводе их в заразную больницу. Удалось перевести только Танскую. В больнице – в разгар тяжелой формы. Осложнение – двусторонний паратит. Затем перевели в областную больницу для хирургической операции. Хирург А. О. Глебович. 7 октября 1932 г. Е. А. Танская выписалась из больницы. 3 мес.» [Там же.. Л. 5об.]. Но, несмо-

тря ни на что, Екатерина Александровна в годы Великой Отечественной Войны подготовила 11 санитарных дружин, в первые годы войны сдала посильный денежный взнос на построение новой колонны.

О разносторонних талантах и интересах говорят не только вышеописанные факты, но и страсть Михаила Владимировича к библиофильству и литературным занятиям. Танские были тонкими знатоками живописи и музыки. Михаил Владимирович занимался литературной работой, вел широкую переписку, много читал, сочинял стихи, писал мемуары, повести, романы. Он оставил более 30 рукописных трудов. Только одна работа увидела свет – «Странички из прошлого Улан-Удэ». Эта работа не потеряла интереса и значимости и сегодня, пользуется у краеведов, ученых, музееведов, школьников, учителей большой популярностью. Эпистолярное наследие – в числе заслуг М. В. Танского, так как благодаря ему, мы имеем возможность соприкоснуться с повседневной жизнью Верхнеудинска XIX–XX вв.

Большой интерес вызвала у краеведов, библиофилов библиотека Танских. Известный краевед Е. Д. Петряев сообщал, что библиотека М. В. Танского создавалась почти столетие, еще его отцом с 60-70-х гг. XIX вв. В Этнографическом музее народов Забайкалья находится 2000 наименований, которые экспонируются на выставке, среди них и полное собрание Брокгауза и Ефрона (86 томов), и трехтомник «Жизнь животных» Альфреда Брэма. Все это теперь является библиографической редкостью.

С 60-х гг. XX в. между Министерством культуры Республики Бурятия и вдовой М. В. Танского велся диалог о передаче их дома и имущества в Этнографический музей народов Забайкалья. В настоящее время музей располагает «Коллекцией Танских», насчитывающей около четырех тысяч единиц хранения, что позволяет сотрудникам и горожанам близко познакомиться с историей удивительной семьи, надолго оставшейся в памяти города Улан-Удэ.